

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАРКАЦИЯ

М. Фриковски, В.П. Столбов
**СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ:
ПСИХОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Проблема теоретических дефиниций в науке состоит в том, что одни из них «входят» в научный язык и приобретают права гражданства, другие, наоборот, быстро уходят или не приживаются. Понятие «социальное исключение» новое в языке социологии и поэтому спорное для традиционного языка науки. Вместе с тем его смысловая нагрузка позволяет видеть реальные процессы, имеющие место в обществе.

В середине 1990-х гг., когда появился термин «социальное исключение», описание его как социологического понятия было весьма спорным. Социологи, обращавшие внимание на распространение данного термина, рассматривали «социальное исключение» ограниченно, лишь как концептуальный инструмент. Некоторые авторы утверждали, что использование этого понятия сделает анализ социальной ситуации исключительно трудным и сложным. Причину этого следует видеть в историческом подходе: например, бедных не всегда рассматривали как случай социального исключения, считая их частью общества.

Есть глубокое различие между двумя основными подходами к методам анализа и определению понятия «социальное исключение» и его «интеграции». Анализ понятия «социальное исключение» нередко сосредотачивается на ресурсах и их перераспределении (например, отсутствие ресурсов создает исключение в области экономики, низкое положение отдельных социальных групп в перераспределении дохода указывает также на подобную ситуацию исключения в обществе). Вместе с тем, есть и другой подход: «социальное исключение» широко употребляется при оценке состояния социальных связей (например, разрыв многообразных связей и утрата социального статуса индивида или группы характеризуются как ситуация социального исключения) (Dewandre 1995).

Ряд авторов считают, что распространение понятия «социальное исключение» таит в себе многочисленные опасности. Сформировалась определенная «метафорическая западня», основанная на изначальном существовании двух категорий: «включенный» и «исключенный». «Исключение» предполагает, что

некоторые индивиды и общности являются «закрытыми», контакты с ними и вхождение в подобные закрытые группы (страты) полностью недопустимы. Естественно, что подобное «исключение» мешало описанию и пониманию социальной действительности, но, с другой стороны, такая закрытость положения отдельных индивидов и групп оказывалась удобной для формулирования политических целей и лозунгов отдельными лидерами тех или иных политических движений, чтобы мобилизовать людей на объединение для изменения ситуации «исключенных». Причем, представление об изменении подобной ситуации нередко формируется в сознании людей на основе ложной перспективы полного устранения социальной исключенности, приобретения равных прав на недвижимое имущество, что также ведет к ложным представлениям о решении социальных проблем. «Исключенный» может решить, что нет другого способа улучшить свою ситуацию, как только через насилие. «Включенные» могут ослаблять пространственную изоляцию по отношению к «исключенным» (элита нередко допускает в свою когорту наиболее талантливых людей из числа других страт) или, наоборот, усиливать свое положение элитарности за счет сохранения своей недоступности в виде элитарного жилья (дачи правительственных чиновников, в недалеком прошлом — элитные дома высшей партийной бюрократии), особых распределителей, закрытых медицинских учреждений. Подобное состояние исключительности для «включенных» может иметь и континентальный масштаб (например, «Крепость Европа»). Закрытость для включенных является характерным элементом лозунгов правых радикальных деятелей на политической сцене, тогда как радикальные левые пропагандируют насилие как метод изменения несправедливой социальной системы.

Преимущества концепции «социального исключения» исследователи видят в том, что оно сосредотачивает внимание на процессах, а не на их результатах, в виде различных последствий. Согласно правилу, упомянутому Оссовским, в результате частого и постоянного использования термина «социальное исключение» его метафорическое значение станет все более размытым, а его существенные характеристики будут нейтрализованы (Ossowski 1982).

Социальное исключение может характеризоваться как относительное явление. Это становится очевидным, если сравнить условия жизни в Европейском Союзе и в странах «третьего мира». Это касается не только качества жизни людей, но и социальной роли бедных стран на всемирной политической арене. На этот счет Дж. Гэлбрайт замечал: *«С переходом очень бедных от положения большинства к положению сравнительного меньшинства они прекращают автоматически быть объектом интереса для политических деятелей»*. Применительно к оценке современного либерального политического деятеля можно сказать, что его социальное исключение состоит не в присоединении к бедствующим членам общества, и не к его более многочисленным членам, а к тем, кто обладает большим доходом, как нередко это случается с профсоюзными лидерами (Hodges 1971).

Однако реальность такова, что число бедных в странах «третьего мира» велико, и это делает их важным фактором в формировании национальной политики. Этот фактор является не только численным показателем: бедные могут выступить и как политическое большинство, которое может повлиять на де-

мократические выборы, хотя демократия — редкое явление в этих странах. В авторитарных режимах каждый диктатор позиционирует себя как защитник поверженных и растоптанных, описывая западный мир как виновника бедности его нации (нередко это встречается в тезисах исламского фундаментализма). Фактически это средство укрепить социальное единство и власть. Можно заметить, что многочисленные лидеры движения антиглобализма используют аналогичные аргументы.

Такое же понимание социального исключения характерно для посткоммунистических стран, что связано, как полагают, с их особым культурным и историческим опытом. Дифференциация дохода у различных групп общества сопровождается широко распространенными эгалитарными настроениями и высокой степенью ожиданий по отношению к государству, которое считается источником благосостояния и новых рабочих мест. В Польше «чувство исключения» являлось иногда лозунгом в пропаганде противников вступления в Европейский Союз. Они описывали Польшу как жертву внешних врагов, которые хотят изменить «нашу нацию» и превратить поляков «в рабов». Подобное можно наблюдать и в России, в связи с переходом от «государственного социализма» к рыночной модели социально-экономического развития общества и с обсуждением вопроса о вступлении страны в ВТО.

Описание и анализ социального исключения как явления возможны на трех уровнях: макро-, мезо- и микро-. В **макромасштабе** рассматриваются результаты процессов глобализации относительно регионов и стран, население которых направляет свою энергию на преодоление таких явлений, как безработица, бедность и лишения. Современная бедность и исключение ассоциируются с развитием капитализма, который подрывает этическую основу и систему благосостояния в мире, утвержденную в трудовых отношениях в прошлом, в которых капитал больше не нуждается (Bauman 2000). Согласно теории глобализации, развитие современных технологий способствовало разделению мировой системы на регионы и их дифференциации на центральный, периферийный и полупериферийный типы (Starosta 2000). Польшу и Россию можно рассматривать по отношению к промышленно развитым странам как некую периферию, исходя из критериев производства валового внутреннего продукта в целом или на душу населения, эффективности производства, продолжительности жизни и др. Подобное соотношение центра и периферии можно наблюдать и в рамках функционирования самой макросистемы, в которой центрами социально-экономической жизни являются соответственно Варшава и Москва; в региональном плане в России можно выделить такие центры, как, Новосибирск, Санкт-Петербург, Нижний Новгород. Бывшие монокультурные города, — особенно это касается текстильных центров, например, Лодзи и Иванова, — переживают трудные времена адаптации к рыночной экономике, в них все более четко просматривается сползание на уровень периферийности. Согласно перспективе макромасштаба, можно утверждать, что воздействие глобализации сформировало своего рода «исключение» для целых областей, регионов мира, а в случае Африки — и для целого континента.

Социальное исключение характеризуется целым рядом факторов, взаимосвязь между которыми делает это явление постоянным и трудноизменяемым. К таким

факторам следует относить: недостаток адекватного рыночным реалиям образования, условия, ухудшающие здоровье, бездомность, потерю поддержки в семье, маргинализацию отдельных индивидов и целых социальных групп, отказ от участия в социальной жизни общества, потерю работы (Geddes 2000).

В настоящее время термин «социальное исключение» стал широко использоваться и часто употребляется в языке организаций Европейского Союза, при этом он потерял социально-психологический смысл, выражение состояния дискомфорта людей в обществе. Термин «социальное исключение» стал характеризоваться рядом индикаторов, применяемых Комитетом социальной защиты Европейского Союза, иллюстрирующих многомерный характер этого явления. Этими индикаторами являются: региональное дифференцирование доходов, которое включает низкие доходы в специфических социальных группах в сравнении с медианой доходов (приблизительно 60 % среднего дохода); постоянство низкого дохода; уровень безработицы; определенный статус здоровья, продолжительность жизни от рождения; количество лет обучения в школе; отсутствие возможности дальнейшего образования или обучения, проживание безработных в домохозяйствах. Чтобы сделать измерение социального исключения более точным, комитет рекомендует проведение детальной технической экспертизы по следующим аспектам:

- благоустроенность жилья, его расположение и расходы на преодоление бездомности;
- уровень грамотности (умение читать, писать и считать), доступность образования;
- возможность регулировать здоровье, предупреждать преждевременную смертность, доступ к здравоохранению;
- социально-экономическое положение исходя из уровня доходов и условий жизни (EC-SILC);
- занятость групп, не живущих в домохозяйствах, особенно это относится к бездомным, но также и к тем, кто находится в специальных учреждениях (домах для пожилых и престарелых, тюрьмах, детских домах).

В Польше Институт Социальной работы разработал и установил индикаторы социального минимума и минимума существования, сосредоточенного на уровне дохода. Уровень первого и второго минимумов зависит от числа людей в домохозяйстве. Так, в Польше в 2001 г. социальный минимум составлял доход между 576 и 770 PLN (160-190 евро) на душу населения, в то время как минимум существования — между 265 и 311 PLN (65-80 евро) (Polityka Społeczna 2001:32). Это иллюстрирует относительность социальных индикаторов исключения и их дифференциацию по регионам. В России индикатор социального минимума представлен потребительской корзиной, уровень которой определяется для всего населения и в разрезе возрастных групп. В 2005 г. стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в среднем по стране составила 4709 руб. (примерно 137 евро) на человека. Индикатор минимума существования характеризуется прожиточным минимумом, который дифференцирован для каждого региона и устанавливается как для всего населения, так и в разрезе возрастных групп: для трудоспособных, пенсионеров и детей. Этот уровень в 2005 г. составил амплитуду от 2091 руб. (61 евро) — Северная Осетия —

Алания до 5614 руб. (164 евро) — Корякский округ на человека, в том числе стоимость минимального набора продуктов питания в декабре этого же года составляла в среднем по стране — 1349 рублей (отклонения от этого минимума в регионах составляли с минусом до 14%, с плюсом до 220% в Магаданской области и Чукотском автономном округе).

Лучше всего материальные эффекты социального исключения видны на **мезоуровне**. Понятие «новой городской действительности», сформулированное в полемике о «разделенных городах» (Peterson), позволяет выделить жителей, которые имеют высокую квалификацию и занимают определенное место в основном потоке социальной жизни, и тех, кто не способен к четкому определению своего места в городском социуме (Warzywoda-Kruszyńska 1998). Это своеобразные «двойные города», «где городская система социально и пространственно поляризована между группами, с одной стороны, делающими ценности жизни своими функциями, а, с другой—социальными группами, обесценивающими эти ценности» (Castells 1999).

Связывание социального исключения с кризисом социального порядка и финансового перераспределения близко к «новой географии» бедности и проблем беспорядка (преступлений и страха перед ними), обусловленных экономической, физической и социальной деградацией городских окраин. Исследования в этой сфере особо выделили аспект пространственное™ социального исключения (Geddes 2000). Так, процессы социально-пространственной сегрегации и поляризации формируют гетто и окраины относительной бедности. Возможности перемещения в богатые городские кварталы для тех, кто живет в гетто, строго ограничены и так же строго регулируются (Bauman 2000). Например, в Лос-Анджелесе границы, отделяющие элитарные районы от остального города, снабжены системами наблюдения, и это является обычным явлением (Flusty 2001).

Пространственные определения понятия «социальное исключение» находят отражение в действительности глобального мира, где сильные связи, соединяющие людей с их местом, уменьшают их шансы на социальную мобильность. Место проживания людей является часто единственным устойчивым компонентом их идентичности. Исключенные и бесправные обитатели «анклавов бедности» зачастую не поддерживают программ усовершенствования и улучшения их социальной жизни. Они понимают, что в результате этих программ данное место уже больше не будет их местом (Bauman 2000). Например, такая программа, осуществленная городской властью на территории лондонских доков, вызвала достаточно сильное сопротивление тех, кто там жил. Возможности трудоустройства и приобретения квартиры в новых районах были для них недоступны из-за высоких профессиональных требований и цен на жилье. В действительности эта проблема отражает противоречия среди социологов города по вопросу о существовании люмпенизированного слоя бедных и исключенных людей (Kaczmarek 1998). Европейские исследователи не подтверждают существования анклавов бедности, говоря о рассеянности их потенциальных членов в городской среде—высказывания об их пространственной концентрации относятся только к американским мегаполисам (Warzywoda-Kruszyńska 1998). Однако, согласно тому же исследователю (Ibid.), процесс формирования люмпенизированного слоя имеет место в восточноевропейских городах (например, в Лодзи). При этом

существуют и другие подходы в объяснении низкого уровня дифференциации социально-пространственной структуры социального исключения (Сlawowicz 2000). Исследование в Лодзи в 2001 г. подтвердило, что различия в показателях социального исключения, как то: безработица, низкий уровень образования — статистически не существенны. Решение этой проблемы зависит от определения класса и люмпенизированного слоя. Согласно подходу Вебера, критериями выделения класса является культура и личная идентичность (Collins 1988). В случае люмпенизированного слоя это может быть субкультура бедности, преступности и наркомании. В связи с вероятностью того, что в польском обществе, как и в других посткоммунистических странах, культура люмпенизированного слоя низка и его идентификация несовершенна, проблема идентификации должна быть решена эмпирическим путем.

Социальное исключение может быть преодолено за счет социальной мобильности, рассматриваемой как перемещение вверх или нисходящее движение в пределах системы стратификации. Либеральная теория утверждает, что капиталистическое общество — открытый класс, и поэтому в нем можно ожидать высокую степень социальной мобильности. Социальная мобильность обычно измеряется путем сравнения социального статуса людей, а также с помощью оценки изменений, относящейся к разным поколениям. Она также может быть измерена при сравнении изменений статуса индивида в его собственной жизни (intra-generational).

«Исключенное население» не является устойчивой группой, оно нередко состоит из людей, испытывающих процесс падающей (снижающейся) мобильности, который является чрезвычайно динамичным. Их шанс на возвращение к нормальной жизни зависит от принятия ими жизненной *стратегии*. Р. Мертон, детализируя ее типологию, выделял четыре элемента: адаптация, соответствие, признание субкультуры нового статуса, возвращение, или утрата (Merton 1982). Однако следует отметить, что ни признание новой субкультуры, ни утрата прежнего статуса «не работают» в качестве стратегии для «исключенных», если они намереваются возвратиться к прежней социальной жизни. Возврат нередко бесполезен, т.к. у людей формируется своеобразная самозащита от возвращения в прежнюю социальную среду, которую можно назвать *отношением самоисключения*, что делает ситуацию еще хуже. Выбор стратегии не случаен, он зависит от материальных ресурсов индивида, его образованности и интеллектуальных способностей. Если индикаторы социального исключения определяют место человека в общественном устройстве, то его социальная мобильность зависит от способности использовать, изменять и умножать доступные ресурсы психосоциального характера.

В литературе имеется несколько психосоциальных характеристик «социального исключения», которые являются важными для оценки потенциала мобильности индивида. Это, прежде всего:

- личная идентичность (*Кто я? Что я могу?*);
- эмоциональные качества, часто не осознаваемые чувства, которые являются факторами поведения индивида;
- социальная перспектива (поиск ответа на вопросы типа: *Что является социальным миром?*).

Идентичность индивида, группы рассматривается в литературе как символическая структура, которая позволяет им сохранять непрерывность связей в группе и родственные отношения, несмотря на изменения социального статуса (Habermas et al. 1993). Взаимодействия акцентируют внимание на динамическом характере идентичности (Bokszanski 1989). Гидденс утверждает, что идентичность не всегда способна справиться с напряженными отношениями и изменениями в современной социальной жизни. Традиционные причины бедности — ограниченные связи выстраивания личной идентичности (Giddens 1991). В действительности у бедных зачастую недостаточно развито чувство собственного достоинства, и единственно устойчивым в их идентичности является место, в котором они живут. Но это место — также западня, поскольку так называемые окраины являются опасными для посетителей («опасные улицы», «преступные кварталы»), и лучшим средством защиты для некоторых городских жителей является *не выходить* за пределы мест своего проживания (Bauman 2000). Таким образом, место проживания может выступать в качестве ограничителя социальной мобильности. Другим фактором, обуславливающим ограничение социальной мобильности людей и связанным с социальной идентичностью, является общественное осуждение, которое психологически воздействует при употреблении характеристики людей как «исключенных».

Борьба за самоопределение среди «исключенных» для достижения более высокого социального положения и лидерства могла бы быть способом преодоления исключения. Подтверждение этому — случаи карьеры некоторых политических деятелей. Низкое социальное положение является необходимым условием любой социальной мобильности. «Чувство дискомфорта» и неудовлетворенность жизненными условиями свойственны не только бедным: в пределах любого из статистически определенных полюсов (если они определены) имеются желающие изменить свое положение к лучшему. Они стремятся это сделать, конкурируя с другими людьми, равного с ними или меньшего благосостояния, и успешно конкурирующий индивид будет всеми силами поддерживать социальное исключение других. В этих условиях всегда есть «внутренний» круг, из которого человек исключен и к которому он или она стремится.

В случае реальной бедности характерная реакция на тяжелое положение проявляется, по крайней мере, в двух основных состояниях: ощущении отчаяния или отчуждения или в жестокой перспективе ненависти к людям. Это формирует менталитет безнадежности, отчаяния и деморализации и, как замечал Р. Мертон, «отсутствия доступа к социально принятым средствам достижения успеха» (Merton 1982). В этом проявляется аномия, социальный паралич в обществе, — состояние, характеризующееся безнадежностью, бессилием и пессимизмом, сформулированное и описанное еще Э. Дюркгеймом. Если аномия включает реакцию низшего класса на лишение мечты, которой у него нет, то в среде этого класса распространяется чувство цинизма, недоверия по отношению к другим людям, т.е. то, что Моррис Розенберг определял как *мизантропию* (отношение недоверия, обманутости, обеспокоенности, дезориентированности). К этому термину можно отнести и более широкий спектр описания социальной действительности и социальной ориентации. Социальную ори-

ентацию можно определить как непосредственное представление индивидом внешнего мира, в котором формируются отношения между индивидуальной и социальной действительностью. В литературе встречаются более широкие описания этого понятия, например, такие, как:

— способ определять человека и отношения между индивидом и группой (индивидуалистические и коллективистские предположения);

— предположения иерархического или эгалитарного социального порядка;

— предположения антагонистических или синергетических отношений между индивидом и группой (Koralewicz, Ziołkowski 1990).

Можно выделить две основные категории социальной ориентации: личная способность к включению в социальную жизнь и социальный порядок. Личную способность можно охарактеризовать как способность индивида к жизнедеятельности в определенной социальной системе, а социальный порядок — как устойчивое общественное устройство. Первая категория может быть определена как способность индивида понимать правила, управляющие социальной системой, особенно ее политическое измерение. Недостаток этой способности ведет к политическому отчуждению как на местном, так и на национальном уровне. Социальная жизнь кажется непостижимой и недоступной, поэтому невозможно участвовать в ней — такой обвинительный приговор часто связан с низкой степенью образования, но иногда является и результатом личного опыта. Так, по мнению ряда исследователей, качество и прозрачность польской политической жизни относительно низки, так что можно даже говорить о кризисе демократии (Regulski 2002). Несмотря на это, политическое отчуждение — своего рода установленное отношение, независимое от объективных обстоятельств и ведущее к отказу от осуществления гражданских прав. Социальная гипотеза, связанная с политическим отчуждением, объясняет это отношение как специфический тип существования и синдрома низкого статуса, и как отношение, уменьшающее социальную мобильность (Miszalska 1996).

Категория «социальный порядок» проявляется в двух устоявшихся формах, основанных на дихотомии и стратификации общественного устройства. Согласно мнению Оссовского, происхождение богатства связано с эксплуатацией труда и накоплением бедности — это явно устаревшее утверждение (Ossowski 1982). Вера в подобную социальную перспективу делит общество на «них» и «нас» и является обвинительным приговором; сотрудничество при подобной перспективе практически невозможно, так как ведет к полному недоверию. Такое представление у индивидов свидетельствует о недостатке социального капитала, уменьшающего возможности для экономического развития, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему ограничению социальной мобильности.

Социальная ориентация может выступать и как обвинительный приговор государству в отношении выполнения им требований граждан. «Отношение требования» часто описывалось как наследие прежней политической системы, хотя это характерно и для некоторых западноевропейских обществ. (Miszalska 1996; Koralewicz, Ziołkowski 1998). Эту ориентацию хорошо выражает мнение, что основная роль государства состоит в распределении благ. «Отношение требования» широко распространено в российском и польском обществе, что позволяет предположить, что это является скорее элементом социальной культуры,

чем результатом низкого социального статуса людей, которые так считают. Однако в случае существования категории «социального исключения» государственная система распределения явно необходима для обеспечения этой категории основными средствами для выживания. С другой стороны, постоянное использование системы распределения благ делает государство зависимым от «отношения требования» и создает тем самым дополнительный фактор социального исключения (Saunders 1986).

Социальная мобильность, даже при достижении исключенными минимального социального включения, — трудный шаг для них. Некоторые психосоциальные особенности ориентаций ограничивают это движение и поддерживают, таким образом, ситуацию исключения. В заключение выделим некоторые психосоциальные условия, позволяющие осуществлять социальное включение. В основе всего лежит рассогласованность желаний «исключенного» человека изменить свою жизнь. Социальное включение может осуществляться посредством конкуренции. Так, например, крупные ассоциации преуспели в достижении своих целей, начав деятельность как конкурирующие группы. Основное условие такого достижения — политическое отчуждение и не совсем законный протест, который, тем не менее, не должен приносить вреда другим. Однако конкуренция нередко сопровождается и разрушительным эффектом. Разделение социального мира ведет к силовым воздействиям преступного характера, иногда характеризуемым как проявление разногласия с несправедливым социальным порядком.

Изменение социального включения — это определенная стратегия, которая требует определенного соответствия и способности к сотрудничеству. Это, в свою очередь, связано с изменением образа упорядоченного социального мира, когда каждый видит общественное устройство как стратифицированную систему с возможностью восхождения. Экономическая деятельность в этом случае может принести определенные преимущества всем участникам, но при условии взаимного доверия, а также если цели деятельности достижимы и конкретны. Подобные условия, по мере необходимости, возможны для успеха местных программ союзов и ассоциаций, которые в Европейском Союзе обычно видятся как лучший инструмент для того, чтобы преодолеть социальное исключение (Geddes 2000).

Понятие «социальное исключение», обычно используемое в ЕС, пока редко используется в академическом языке и в методах социальной службы в посткоммунистических странах, включая Польшу и Россию. Это результат задержки не только информационного развития в странах, но и их общественного устройства, характеризующего их как имеющих более низкий уровень стратификации по отношению к развитым европейским странам или как просто более бедных. Это означает, что критерии социального исключения, выдвинутые Социальным Комитетом ЕС, можно применить к почти половине польского или российского общества. Границы, относящие людей к более низким категориям, относительно подвижны, что является свидетельством социальной мобильности индивидов, начиная с самых низких уровней. Однако при этом следует учитывать психосоциальные ограничения мобильности самых низких слоев населения. Политическое отчуждение, нечеткая социальная ориентация, недоста-

ток доверия широко распространены среди различных социальных категорий общества, включая самые и высокие его уровни. К сожалению, в реальной жизни это становится фактором, ограничивающим возможности достижения определенного социально-экономического прогресса страны в целом.

Литература

- Bauman Z. *Globalizacja*. Warszawa: PIW, 2000.
- Bokszanski Z. *Tożsamość, interakcja, grupa. Tożsamość jednostki w perspektywie teorii socjologicznej*. Łódź: Wyd. UŁ, 1989.
- Dewandre N. *Social Exclusion Indicator: Problematic Issues European Commission, DGXI1, G-5 (Social Research) Brussels, 1995.*
- Castells M. *The Informational City is a Dual City: Can it Be Reversed?* // D.A. Schon, B. Sanyal & W. J. Mitchell (Eds.). *High technology and low-income communities: Prospects for the positive use of advanced information technology*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999.
- Clawowicz W. *Miasto polskie w transformacji — kształtowanie się miasta // Miasto postsocjalistyczne — organizacja przestrzeni miejskiej i jej przemiany, XII Konwersatorium wiedzy o mieście*. Łódź: ŁTN, 2002.
- Collins I. *Theory of Sociology*. Los Angeles: UCLA Press, 1988.
- Flusty S. *The banality of interdiction: "Surveillance, Control and the Displacement of Diversity"* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. N 3.
- Geddes M. *Tackling Social Exclusion in the European Union? The Limits to the New Orthodoxy of Local Partnership* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2000. Vol. 24. N4.
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Habermas J., Dobner H., Nunner-Winkler G. *Zarys socjopsychologicznej koncepcji rozwoju tożsamości „ja"*. Wprowadzenie // *Przegląd Socjologiczny*. 1993. Vol. 42.
- Hodges H.M., Jr. *Conflict and Consensus. An Introduction to Sociology*. New York: Harper & Row, 1971.
- Kaczmarek S. *Social and Spatial Revitalization of Industrial Areas in British and Polish Cities/Social Aspect of Reconstruction of Old Industrial Regions in Europe*. Katowice, 1998.
- Koralewicz J., Ziółkowski M. *Mentalność Polaków. Sposoby myślenia o polityce, gospodarce i życiu społecznym w końcu lat osiemdziesiątych*. Poznań: N AKOM, 1990.
- Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. Warszawa: PWN, 1982.
- Miszalska A. *Reakcje społeczne na przemiany ustrojowe*. Łódź: Wydawnictwo UŁ, 1996.
- Ossowski S. *O strukturze społecznej*. Warszawa: PWN, 1982.
- Polityka Społeczna*. 2001. N 3.
- Regulski J. (ed.) *Samorząd i demokracja lokalna. Osiągnięcia, zagrożenia, dylematy*. Warszawa, 2002.
- Saunders S. *Social Theory and the Urban Question*. London: Hutchinson, 1986. Scott J. *Social Network Analysis*. London: Sage, 1991.
- Starosta P. *Globalizacja i nowa komunitaryzm* // *Kultura i społeczeństwo*. 2000. No 3.
- Sýkora L. *Post-communist city* // *XII Konwersatorium Wiedzy o Mieście. Miasto postsocjalistyczne - organizacja przestrzeni miejskiej i jej przemiany*. Łódź: ŁTN, 2000.
- Warzywoda-Kruszyńska W. *Życ i pracować w enklawach biedy*. Łódź: Instytut Socjologii UŁ, 1998.